

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.4>

Долгих Аркадий Наумович

О ПОПЫТКЕ ЗОНДАЖА ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ В РОССИИ НИКОЛАЕМ I В 1840-Е ГГ.

Статья посвящена недостаточно изученной в отечественной историографии проблеме зондажа дворянского общественного мнения в России по крестьянскому вопросу со стороны императора Николая I в 1840-е гг., попытке добиться им обратной связи с первенствующим сословием, что не было типичным явлением для предшествовавшей эпохи. На основании привлечения новых, в том числе архивных, источников автор рассматривает вопрос о мониторинге мнения российского дворянства об указе о так называемых "обязанных крестьянах" и причинах неудачи его реализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 31-34. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Статья посвящена недостаточно изученной в отечественной историографии проблеме зондажа дворянского общественного мнения в России по крестьянскому вопросу со стороны императора Николая I в 1840-е гг., попытке добиться им обратной связи с первенствующим сословием, что не было типичным явлением для предшествовавшей эпохи. На основании привлечения новых, в том числе архивных, источников автор рассматривает вопрос о мониторинге мнения российского дворянства об указе о так называемых «обязанных крестьянах» и причинах неудачи его реализации.

Ключевые слова и фразы: российское самодержавие; Николай I; обязанные крестьяне; российское дворянство; крестьянский вопрос.

Долгих Аркадий Наумович, д.и.н., доцент

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Adonli@vail.ru

О ПОПЫТКЕ ЗОНДАЖА ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ В РОССИИ НИКОЛАЕМ I В 1840-Е ГГ.

Проблема решения крестьянского вопроса в России в предреформенную эпоху до настоящего времени не является до конца изученной. Особенно это касается эпохи правления Николая I. Возможно, данное явление связано и с особым, негативным по преимуществу подходом к этому монарху в дореволюционной либеральной и в советской историографии (следы которого сохранились и сегодня), рассматривавшей данного императора в качестве «апогея самодержавия» и тормоза общественного развития. Другой причиной, по нашему мнению, является огромный массив источников (в частности, материалов многочисленных секретных комитетов по крестьянскому вопросу), а также большого числа дворянских проектов решения данной проблемы, лишь частично введенных в научный оборот, весьма слабо и поверхностно изученный исследователями. Особенно последнее явление характерно в отношении первой половины царствования этого монарха. В настоящее время известно лишь несколько десятков подобных проектов, среди которых проекты штабс-капитана Н. И. Кутузова (1826), статского советника В. С. Филимонова (1826), надворного советника Н. И. Иванова (1826), барона Н. В. Медема (1826), костромского губернского предводителя С. П. Татищева (1827), статс-секретаря Н. Н. Муравьева (1827), коллежского советника Г. Эрнста (1828), князя Н. Н. Хованского (1830), сенатора М. А. Бакунина (1830), сенатора П. И. Сумарокова (1830), тайного советника С. Михалева (1838), статского советника князя С. А. Долгорукова (1845) и др. Кстати, авторы многих из них неизвестны. Часть этих проектов нами впервые опубликована и введена в научный оборот [7, с. 142-153, 160-164; 8, с. 178-208, 216-218].

Также имеет место недостаток исследований по конкретному законодательству эпохи и его реализации на практике в отношении владельческих крестьян, мало изучен и такой аспект проблемы, как взаимоотношения власти и дворянского общества в данной сфере. Очевидно, что в последнем из них трудно разобраться из-за того, что правительство (и сам император) и дворянские организации (например, всякого рода тайные общества) хранили в тайне друг от друга свои планы на сей счет (как это было уже при Александре I, а тем более стало при Николае после разгрома декабристского движения), и лишь изредка они становились известными другой стороне.

Заметим, что уже в екатерининскую эпоху существовали единичные мнения со стороны дворянства по крестьянскому вопросу, но, как правило, они либо носили сугубо консервативный или даже реакционный характер и уже поэтому толком не были востребованы властями, либо опережали дворянское общественное мнение, еще не готовое к серьезным изменениям в данной сфере. В павловскую эпоху власти не больно-таки этим интересовались вообще, что было в духе того времени [6, т. 1].

Несколько иная картина сложилась в александровскую эпоху, когда монарх иногда и сам обращался к дворянству и к высшим правительственным чиновникам (представителям того же первенствующего сословия) с предложениями о составлении подобных проектов, но в большинстве случаев почти ничего из их предложений не реализовывалось в конкретной политике (исключая, может быть, начало безземельного освобождения крестьян в остзейских провинциях империи), что и приводило к отмеченному выше положению: обе стороны таились друг от друга – отсюда (в том числе) и декабристские общества с их планами переустройства жизни России и решением крестьянского вопроса уже без участия правительства. Несколько иначе обстояло дело в николаевскую эпоху. Власть апеллировала к дворянской массе, конечно, в основном по социальным, а не политическим вопросам (так, в манифесте начала царствования говорилось о том, что «не от дерзновенных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усвоershаются постепенно отечественные установления», при этом «всякая мысль к утверждению силы законов... достигая к нам путем законным» будет принята «нами с благоволением») [6, т. 2; 11, с. 74].

С другой стороны, трудно говорить все же об обратной связи общества и власти в силу отсутствия гласности, реального запрета обсуждения крестьянского вопроса в печати почти на всем протяжении этого царствования, а также недостаточной изученности проектов освобождения крестьян и смягчения крепостного права. Мало информации и о том, насколько эти проекты (а отнюдь не всякий на них решался после дела декабристов) достигали высших властных структур. В определенной степени исключением здесь выглядела ситуация

с попаданием их в руки главы III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии А. Х. Бенкендорфа, склонного к достаточно радикальному решению данной наболевшей проблемы (очевидно, что сам громадный архивный фонд III Отделения требует в этом отношении еще значительной работы исследователей) [6, т. 2, с. 286-297, 303-309].

Таким образом, информации здесь явно недостаточно, и трудно в этой связи согласиться с весьма определенным мнением современного исследователя И. В. Ружицкой о том, что «при Николае I к отмене крепостного права было подготовлено общественное мнение: к концу его правления большинство дворян прониклось идеей неизбежности» его падения, «хотя в основной массе помещики и продолжали оставаться противниками освобождения» [13, с. 233].

Отметим вскользь, что если в прежние времена дворянское общественное мнение (особенно по крестьянскому вопросу) практически игнорировалось властями [3, с. 51-121], то в николаевскую эпоху, имея такую структуру, как III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии (и подчиненный ему Корпус жандармов), верховная власть в той или иной степени и довольно часто проводила, выражаясь современным термином, своеобразный мониторинг дворянского общественного мнения на сей счет, следы которого отразились и во всеподданнейших отчетах императору, и в других документах, исходящих из данного учреждения [2, д. 80, ч. 2, л. 58 – 108 об.; 12].

Наиболее показательным здесь, по нашему мнению, является ситуация с реализацией на практике указа от 2 апреля 1842 г. Известно, что примерно к началу 1840-х гг. относится, видимо, последняя попытка со стороны императора Николая Павловича радикально решить крестьянский вопрос, вылившаяся в достаточно умеренный указ о так называемых «обязанных крестьянах» 1842 г., позволявший помещикам по их желанию переводить своих крестьян в новое состояние, на некие оговоренные сторонами контрактные условия взаимоотношений, при которых дворянин сохранял все права землевладельца, а его крестьяне реально владели землей при выполнении всех положений договоров с передачей своих участков по наследству. Указ, конечно, был, скажем так, «темноватый» по смыслу, позволяя в ряде случаев различные толкования тех или иных его сторон, предполагая, что на местах будут достигнуты определенные компромиссы между участниками договоров. В нем выделяются, пожалуй, четыре момента. Положения указа поданы как новая привилегия для дворянства, он лишен обязательной силы, и его возможная реализация должна быть делом самих помещиков. Очевидна неясность в деле сохранения помещиком вотчинной власти над бывшими крепостными. Еще одним положением указа была сама фактическая возможность оспаривания в судах условий договоров в случае их пересмотра одной из сторон. Гарантиями для помещика выполнения крестьянами условий договоров являлись наказания последних по судебным решениям на основании законодательства о всякого рода контрактах (в отличие от «Указа о вольных хлебопашцах», где эти гарантии были куда более серьезными – возврат крестьян в прежнее крепостное состояние) [3; 10, с. 122, 143; 13, с. 135-174].

Все указанные выше стороны данного акта создали, на деле, весьма малую его привлекательность для дворян-землевладельцев, чем были обеспокоены власти и сам император, придававший этому акту серьезное значение в качестве средства сдвинуть крестьянский вопрос с мертвой точки, исходя при этом из известного принципа – чтоб волки были сыты и овцы целы [8, с. 111-113]. (Кстати, с нашей точки зрения, в случае, если бы у монарха хватило политической воли и указ стал бы обязательным для исполнения, он мог бы предотвратить гибельные для самодержавной империи последствия крестьянской реформы 1861 г., приведшие к российским революциям.)

Отсюда и интерес властей к реализации этого акта, связанный с выявлением его болевых точек, нашедший свое отражение во многих донесениях жандармских офицеров своему руководству в 1842 г. Так, например, в довольно типичном в этом смысле отчете подполковника Замятнина из Рязанской губернии сказано, что ограничение прав помещиков, скажем, в отправлении в рекруты развратных крестьян, приведет к печальным последствиям для нравственности последних, что в судах возникнут тяжбы, причем совершенно необходимо, что решения будут приниматься в пользу помещиков из-за недобросовестности судей, что указ приведет в упадок сельское хозяйство и др.

Резюмируя этот и другие отчеты жандармских офицеров, Бенкендорф в записке Николаю I, датированной июнем-июлем 1842 г., отмечал, что помещики увидели в нем начало освобождения крестьян и отнятия у них собственности. «Благомыслящая публика» отмечала отсутствие в законе конкретных положений, определяющих «гражданское состояние русского крестьянина, свободно живущего в помещичьем имении», возможность притеснений этих же крестьян, лишенных помещичьей защиты, местными властями, необходимость проведения работ землемерами для выделения крестьянских участков при наличии чересполосицы в имениях и др. При этом он же отмечал «излишнюю поспешность» (в глазах дворянства) в проведении подобных мер при наличии существующих представлений о вольности у крепостных, предлагая отложить активную реализацию закона уже при наличии необходимых постановлений на сей счет. Позднее во всеподданнейшем отчете за 1843 г. им констатируется изменение в лучшую сторону мнения дворянства об указе. При этом пример графа М. С. Воронцова, реализовавшего свои планы на сей счет в одной Муринской волости, по мнению «сведущих людей», не был показателен в силу его огромных богатств и значительного количества крепостных. Указ теперь все же, отмечал Бенкендорф, считается уже «удобоисполнимым», но «требуящим времени, большего развития образованности, улучшения нравственного и хозяйственного быта крестьян или особых случаев приурочивания». Налицо обработка жандармским ведомством мнений правящего сословия о данном акте, верно высвечены многие его недостатки [2, д. 80, ч. 2, л. 58 – 108 об.; 5].

Получив в целом отрицательный ответ от дворянства на предложения указа 1842 г., о чем говорило крайне незначительное использование его норм на практике, император тем не менее не успокоился на этом, стремясь убедить своих «благородных» подданных последовать примеру графа Воронцова. С этим был

связан весьма примечательный эпизод, редкая известная нам попытка зондажа дворянского общественного мнения применительно к смоленскому дворянству в связи с приемом Николаем I его представителей – полковника, рославльского уездного предводителя дворянства М. Л. Фантона де Верраиона и генерал-майора А. И. Шембеля – по случаю принесения благодарности монарху «за дарованные дворянству права и преимущества» 17 мая 1847 г. [1, с. 213; 10, с. 121-122, 143; 13, с. 231].

По словам Фантона (подтвержденным Шембелем), изложенным в официальном письме смоленскому предводителю дворянства полковнику князю М. В. Друцкому-Соколинскому от 23 мая 1847 г., на этой встрече, кроме всего прочего, император Николай I заявил, что «главной целью приема» стало с его стороны стремление поговорить с ними «келейно об обязанных крестьянах» и выяснить их позицию на сей счет, а также поделиться с тем, почему дворяне не реагируют активно на данный правительственный акт, отметив, как и в самом указе, что «земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, – есть наша дворянская... но крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии почти не по праву, а обычаем, чрез долгое время, не может считаться собственностью, а тем менее вещию...». Эти резкие положения скорее были присущи декабристам, нежели такому прирожденному консерватору, как Николай I. Монарх отметил необходимость постепенных изменений в этой сфере, чтобы не допустить затем «крутого перелома». Понимая сложности реализации указа, он обратил внимание на недостаток местных судов, куда не шли служить просвещенные дворяне, и эти места заполнялись иными лицами, на то, что крестьяне могут не соблюдать условия указа и договоров с помещиками при небольших гарантиях для последних. Но, однако, он не предлагал вернуться в этом отношении к нормам «Указа о вольных хлебопашцах». В заключение беседы монарх просил обсудить его слова со своими земляками-дворянами, опять же «келейно», и написать об этом ему лично [16, с. 910-912]. Очевидно, что монарх был хорошо информирован о том, какие препятствия лежат на пути к реализации его указа.

Явно удивленные этими словами монарха смоленские дворяне испросили у него разрешения «посоветоваться» с их губернским предводителем, на что последовало согласие императора. Следствием этой беседы стало письмо смоленского губернского предводителя дворянства князя М. В. Друцкого-Соколинского монарху от 11 февраля 1849 г. В нем стоит выделить ряд положений: противоречие в положении крестьян, частично освобожденных от помещичьей власти, но оставшихся прикрепленными к помещичьей земле, необеспеченность помещиков «в исполнении обязательств со стороны крестьян». Наряду с этими разумными идеями высказано им и мнение о том, что крестьяне и сами не хотят выходить из помещичьей власти, а последние стремятся «пещись» о крестьянах. Выход должен быть, по мнению дворянского предводителя, в перспективе в полном освобождении крестьян с землей и в отделении их от помещиков, «без чего, конечно, нельзя изменить крепостного состояния». В настоящее же время предлагались лишь косметические изменения в законах, касавшихся продажи людей с землей и без земли, и только [Там же, с. 927-928, 938-939].

Некоторые новые сведения об этих событиях дает письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову 1-10 декабря 1847 г. Говоря о визите смоленских дворянских депутатов к императору, он обращал внимание на новизну этого явления, на то, что подобные встречи и депутатии запрещались, на то, что было отказано в этом несколько лет назад «тулякам». Упомянутый эпизод с тульскими помещиками требует некоторых комментариев. Действительно, в начале 1844 г. ряд местных дворян обратились к военному губернатору А. М. Голицыну с идеей освобождения крестьян с небольшим земельным наделом с условием выплат последними дворянской задолженности банкам, но это предложение не встретило одобрения крестьянства. Повторное предложение дворян 1847 г. было поддержано губернатором Н. Н. Муравьевым-Карским, но Николай I предложил в апреле 1847 г. этим помещикам составить проекты освобождения крестьян лишь в собственных имениях (как это в свое время было в отношении Общества по освобождению крестьян 1820 г., инициированного П. А. Вяземским и братьями Тургеневыми). Вскоре последовал еще один проект Н. Г. Токарева, одоевского уездного предводителя той же губернии, также не получивший продолжения [6, т. 2, с. 224-256; 8, с. 208-215, 351-352; 14, с. 238-254; 15].

Однако в мае того же 1847 г. Николай I выступил с принципиально иным заявлением смоленским дворянам. Обращает на себя внимание приводимое автором замечание монарха о том, что он понимает, «каким образом человек сделался вещию, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством – с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли», а также положение о том, что «крепостное право причиною, что у нас нет торговли, промышленности», что ставит под сомнение положение о том, что тогдашняя элита не понимала связи крепостничества с экономикой, а проводила реформы в социальной области лишь из положений гуманизма и опасения крестьянских бунтов. Интересным дополнением также являются сведения автора письма о том удивлении, которое вызвала встреча монарха со смоленскими дворянами, и его слова, обращенные к ним, у тогдашнего шефа жандармов графа А. Ф. Орлова, известного своими консервативными убеждениями, а также жесткий ответ монарха через министра внутренних дел смоленскому губернатору на его ламентации о возможном бунте в связи с обсуждением местным дворянством слов императора [9, с. 436-437].

Эти факты позволяют сделать вывод о том, что император по-прежнему стоял на своем, понимая в том числе и экономическую необходимость отмены крепостного права, что его в этом отношении (что, в принципе, общеизвестно) не поддерживали даже его прямые подчиненные, что Николай I вплоть до новой волны европейских революций, начавшейся в 1848 г., хотя и колебался, но все же не оставлял мысли о радикальном решении крестьянского вопроса в России, возлагая в этом надежды на первенствующее сословие России, которым так и не суждено было сбыться в его царствование.

Список источников

1. **Высочков Л. В.** Николай I. Изд-е 2-е, доп. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
2. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 109. 1842 г. Оп. 1.
3. **Долгих А. Н.** Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX в.: в 2-х т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 1. 309 с.
4. **Долгих А. Н.** Об указе 2 апреля 1842 года: к истории крестьянского вопроса в России // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 1 (6). С. 12-21.
5. **Долгих А. Н.** Общественная реакция на указ 2 апреля 1842 г. (по данным российского жандармского ведомства) // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. К юбилею В. А. Алексеева. Липецк: ЛГПУ, 2012. Вып. 7. С. 148-154.
6. **Долгих А. Н.** «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историкографические очерки: в 2-х т. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 359 с.
7. **Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): дворянское общество и власть:** сборник документов: в 2-х т. / подг. мат., ввод. ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. Т. 2. 320 с.
8. **Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в.:** сборник документов и материалов: в 4-х т. / подг. мат., коммент. и ввод. ст. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. Т. 2. 371 с.
9. **Письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову (1-10 декабря 1847 г. Петербург)** // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Издательство АН СССР, 1956. Т. 12. Письма 1841-1848. С. 435-442.
10. **Покровский М. Н.** Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М. Н. Избранные произведения: в 4-х кн. / под общ. ред. М. Н. Тихомирова и др. М.: Мысль, 1967. Кн. 3. С. 7-558.
11. **Полиевктов М. А.** Николай I: биография и обзор царствования. М.: Мир книги; Литература, 2008. 336 с.
12. **Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869:** сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Российский фонд культуры; Российский архив, 2006. 704 с.
13. **Ружицкая И. В.** Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – СПб.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.
14. **Семевский В. И.** Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.: в 2-х т. СПб., 1888. Т. 2. 625 с.
15. **Сергеева Н. И.** Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с указом от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1965. Вып. 78. С. 22-49.
16. **Смоленские дворяне и обязанные крестьяне. 1846-1849** / сообщил И. В. Майнов // Русская старина. 1873. Т. 8. Декабрь. С. 910-939.

**ATTEMPT OF NICHOLAS I TO MONITOR THE RUSSIAN NOBILITY'S OPINION
ON THE PEASANT ISSUE IN THE 1840S**

Dolgikh Arkadii Naumovich, Doctor in History, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Adonli@vail.ru

The article is devoted to the poorly investigated in the domestic historiography problem – the attempt of Nicholas I to monitor the Russian nobility's opinion on the peasant issue in the 1840s, his efforts to receive feedback from the ruling class, which was not typical of the previous epoch. Applying to new, in particular, archival sources the author considers the issue of monitoring the Russian nobility's opinion about the decree of the so called “bound peasants” and reasons for its failure.

Key words and phrases: Russian autocracy; Nicholas I; bound peasants; Russian nobility; peasant issue.

УДК 9; 908

Дата поступления рукописи: 26.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.5>

В статье анализируется особая культурная политика нацистов на временно оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг. На основе архивных документов показаны действия новой власти по развитию системы здравоохранения и образования, возрождению церковной жизни. В работе рассмотрены основные аспекты и реализация немцами театральной деятельности и киноискусства в городах и селах данного региона. На Северном Кавказе оккупанты рассчитывали на проявление лояльности к немецкому «новому порядку». Автором делается вывод о том, что проводившаяся нацистами социально-культурная политика получила одобрение у значительной части местного населения.

Ключевые слова и фразы: «новый порядок»; повседневность; духовный мир; культурная политика; пропаганда; религиозный вопрос; здравоохранение; образование; отделы искусств; киноискусство; театральная жизнь.

Доронина Наталия Викторовна, к.и.н.
Пятигорский государственный университет
natalidor@mail.ru

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ В 1942-1943 ГГ.**

Повседневная жизнь и ментальность простых советских людей на оккупированных немцами территориях является крайне сложной и малоизученной темой. Все сведения, относящиеся к этому периоду, довольно